

**Лев
Николаев**

МОЯ ВОЙНА

В оккупации

**ЮРИЙ
МУХИН**
РЕКОМЕНДУЕТ

Моя война

Лев Николаев

**В оккупации. Дневник
советского профессора**

«Алисторус»

2021

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Николаев Л. П.

В оккупации. Дневник советского профессора / Л. П. Николаев —
«Алисторус», 2021 — (Моя война)

ISBN 978-5-00180-171-9

Автор этой книги Лев Петрович Николаев – советский врач, профессор, доктор медицинских наук, известный в мире антрополог. В годы Великой Отечественной войны он оказался в занятом немцами Харькове и провел под немецкой оккупацией почти два года. Будучи противником сталинизма и коммунистической системы, Лев Николаев встретил немцев как освободителей, но скоро увидел, что на деле представляет собой «орднунг» – новый немецкий порядок, – и, в конце концов, встал на путь борьбы с оккупантами. Дневник, который профессор Николаев вел все эти годы, впервые публикуется в полном объеме. Он содержит массу уникальных подробностей о жизни на захваченной немцами территории, а также оригинальный авторский анализ происходящих событий, оценку советской системы предвоенного и военного времени, характера войны, действий в ней обеих сторон. Не случайно, Юрий Мухин, один из самых авторитетных исследователей военной темы, дает высокую оценку дневникам Николаева в предисловии к книге. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-00180-171-9

© Николаев Л. П., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Предисловие	7
Под властью Сталина	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лев Николаев
В оккупации. Дневник
советского профессора

© Николаев Л. П., правообладатели, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Предисловие

Мой дед, Лев Петрович Николаев, родился 28 января 1898 года в дворянской семье таганрогского художника и известного философа-теолога Петра Петровича Николаева, автора книги «Понятие о Боге как о совершенной основе сознания» (Женева, 1907).

Философ Петр Николаев, мой прадед, сотрудничал со Львом Толстым, переписывался с ним, активно поддерживал идеи и взгляды толстовства, философски и теологически обосновывал их, затем (уже в 20-е годы XX века) помогал членам толстовских сельскохозяйственных коммун. Одну из книг моего прадеда Л. Н. Толстой читал незадолго до своей смерти, о чем оставил запись в дневнике.

Преследуемый царским правительством за свои философские и социально-политические убеждения, Петр Николаев в 1904 году был вынужден оставить родину и эмигрировать с женой и шестилетним сыном во Францию. Детство моего деда прошло в Ницце.

Прадед работал художником на керамической фабрике в департаменте Приморские Альпы, писал и издавал философские сочинения; его жена, моя прабабушка, служила домработницей.

В Ницце Лев Николаев с отличием окончил лицей, был удостоен звания бакалавра, а в 1915 году в семнадцатилетнем возрасте окончил естественное отделение Парижского университета, а затем еще два курса медицинского факультета того же университета.

Февральская революция и долгожданное падение монархии в России устранили препятствия к возвращению моего деда на родину. В августе 1917 года Лев Петрович Николаев устремился в Украину и поселился в Харькове, где жил его дядя П. Л. Успенский, родственник писателя Глеба Успенского. В Харькове Лев Петрович поступил на третий курс медицинского факультета Харьковского университета, который в те годы был переименован в Высшую Школу Украины. Окончил обучение в ней мой дед в 1920-м и в том же году начал трудовую деятельность в качестве ассистента кафедры анатомии биологического факультета Харьковского университета и одновременно, под руководством выдающегося деятеля науки Украины проф. М. И. Ситенко, – в качестве ординатора Харьковского медико-механического института (позже – Украинского института ортопедии и травматологии им. М. И. Ситенко).

В 1924 году ученый совет Харьковского университета избрал Льва Николаева на должность профессора кафедры анатомии, где он и проработал до 1936 года. Владея в совершенстве французским и немецким языками, Лев Петрович широко публиковал свои работы не только в Украине, но и за рубежом, прежде всего в горячо любимой Франции. Одно из прозвищ деда, которыми наделили его приятели, было «француз». В день падения Парижа в 1940 году дед сказал: «История Европы закончилась».

В 1926 году он был избран почетным членом Парижского общества морфологов, а в 1927-м – действительным членом Парижского общества антропологов. Во время поездок во Францию Лев Николаев работал в антропологических лабораториях Парижа.

В 1923–1929 годах Лев Николаев руководил антропологическим кабинетом Украинского психоневрологического института. Благодаря трудам профессора Николаева получила развитие промышленная биомеханика Украины.

В 1934 году профессор М. И. Ситенко предложил Льву Николаеву создать при Всеукраинском институте ортопедии и травматологии первый в стране отдел изучения биомеханики как составной части физиологии опорно-двигательного аппарата, «философии ортопедического мышления» (определение М. И. Ситенко).

В открывшемся отделе работали еще Г. С. Козырев, а также ученица, сотрудница и супруга Льва Николаева, моя бабушка, профессор Ольга Викторовна Николаева-Недригайлова, дочь известного бактериолога, профессора Виктора Ивановича Недригайлова, одного из

основателей Пастеровского прививочного института и бактериологической станции в Харькове (ныне – Институт микробиологии, вакцин и сывороток имени И. И. Мечникова, на ул. Пушкинской), прозаика, драматурга, друга Мечникова и ученика Пастера.

В 30–50-е годы в Институте ортопедии и травматологии им. М. И. Ситенко Львом Николаевым и Ольгой Николаевой-Недригайловой были разработаны учение о конкордантности и дискордантности параличей мышц и варианты трехсуставной резекции стопы с передним упором (операция Николаева – Новаченко) и с задним упором (операция О. В. Недригайловой), которые потом в течение многих лет – вследствие массового распространения параличей после перенесенного полиомиелита – практиковались в хирургии.

В 1935 году решением квалификационной комиссии Наркомздрава Украины моему деду была присуждена ученая степень доктора медицинских наук, и он был утвержден в звании профессора по кафедре «антропология».

В начале Великой Отечественной войны из-за тяжелой болезни – астмы – дед не смог эвакуироваться. Вместе с женой и двумя детьми он остался в оккупированном немцами Харькове. Как только после изгнания фашистов был восстановлен реабилитационный центр – институт ЦИЭТИН, – мой дед с октября 1943 года возобновил свою работу в должности заведующего отделом биомеханики и ученого секретаря этого института.

После войны мой дед много болел. Он скончался 10 декабря 1954 года после тяжелой операции. Последние часы своей жизни, перед роковой операцией, он продолжал отдавать науке, оставив каждому своему ученику научное завещание. Отдел физиологии и патофизиологии движений в Институте ортопедии и травматологии им. М. И. Ситенко после смерти Льва Николаева возглавила его жена.

Мой дед опубликовал более ста научных работ. Круг вопросов, которым были посвящены эти труды, широк: нормальная и прикладная анатомия, промышленная антропология, вопросы стандартизации обуви, создание манекенов и лекал для швейной промышленности, исследование развития взрослых и детей разных национальностей, биомеханика опорно-двигательного аппарата, археология, бальзамирование трупов у древних египтян и даже описательные признаки героев Ф. М. Достоевского.

Всю жизнь мой дед вел дневник. Деду довелось испытать власть и Сталина, и Гитлера. Теоретическое сопоставление этих диктаторов, осуществленное в дневниках 1936–1937 годов, уникально. Оно дополняется сравнением условий жизни семьи украинского профессора во время сталинского режима и в период оккупации Украины фашистами (дневники 1941–1943 годов). Мой дед не разделял иллюзий части интеллигенции Харькова относительно возможных намерений Гитлера (некоторые думали, что Гитлер может принести освобождение от сталинского террора и жить станет хоть немного легче), а последовательно показывал чудовищную жестокость гитлеровской диктатуры.

Сергей Курганов

Под властью Сталина

26 декабря 1936

С раннего детства у меня была склонность писать дневники. Мои первые записи были произведены в возрасте семи лет. Я помню, что моя няня переписала мой первый дневник и получилось целых четыре страницы. Если я не ошибаюсь, я жил тогда вместе с родителями в Швейцарии. В этом первом дневнике, содержание которого я припоминаю очень смутно, я описывал мое путешествие из России за границу. Он был написан по-русски. Затем в возрасте 12 лет я вновь стал вести дневник, на этот раз на французском языке. Очень аккуратно, каждый день, я отмечал полученные мною в школе отметки, посещенные спектакли, игры с товарищами. Лишь с четырнадцатилетнего возраста я стал записывать мои впечатления об окружающих людях, о прочитанных книгах, мои мечты о будущем. Эти дневники сохранились у меня. Я прервал эти записи лишь в 1917 году после моего приезда в Россию.

Тогда время было тяжелое. Я голодал, много работал, давал уроки французского языка и учился в университете. Не было возможности записывать свои переживания: их было слишком много, они были слишком разнообразные и слишком яркие. Для того чтобы их записать, нужно было сосредоточиться, а жизнь была тогда такая бурлящая, такая волнующая, что уединиться душевно и сосредоточиться было невозможно.

Я начал вновь писать дневник в 1932 году. Настроение в то время было у меня очень тяжелым. Был голод. Кругом меня я видел истощенных, озлобленных, измученных людей. Меня беспокоила судьба моей семьи. Я предчувствовал арест. В моем дневнике отразилось мое тяжелое настроение. В первые дни после моего ареста жена уничтожила его.

И вот я вновь начинаю писать дневник. Чем объясняется эта склонность записывать свои переживания? – Прежде всего тем, что я всю жизнь чувствовал себя одиноким. Мой шизотимический характер отличается замкнутостью. В детстве у меня было лишь мало друзей. Сейчас их у меня совсем нет. Есть жена, которую я очень люблю и которой я сообщаю все мои мысли. Но это недостаточно. Хочется сохранить как можно больше частиц моего вечно меняющегося «я». Этого можно достичь только посредством записей. Так много пережито и так много забыто! Забытое – это есть навсегда исчезнувшая часть моей души. Это есть частичная смерть моей личности. Я испытываю тяжелое чувство, когда убеждаюсь в том, что я забыл те или иные события моей жизни, которые в свое время остро переживались мною. К сожалению, я обладаю способностью особенно быстро забывать счастливые моменты, и наоборот, грустные или позорные воспоминания сохраняются моей памятью гораздо дольше. Эта особенность находится, вероятно, также в связи с моим шизотимическим темпераментом. Если верить моей памяти, моя жизнь была полна только неприятными переживаниями. Между тем, это, несомненно, не так.

Было, конечно, очень много тяжелого, но были радостные дни. Моя память – это решето, пропускающее все счастливые события и задерживающее лишь грустные и ужасные. Дневник позволяет исправить эти дефекты памяти, ибо можно записывать как горе, так и радость. Правда, у меня существует всегда большой стимул фиксировать мое внимание на тяжелых событиях, но я постараюсь впредь избежать этого недостатка и придать моим записям более объективный характер.

Другая причина, которая побуждает меня писать дневник, – это то, что мы находимся накануне величайших событий. Так же, как в 1917 году, земной шар представляет собою кипящий котел. Все ждут, что скоро будет война, а за ней последует, несомненно, ряд внутренних переворотов. Не знаю, увижу ли я это. Возможно, что мне суждено погибнуть раньше. Но, если я буду свидетелем этих ужасных событий и если я переживу их, мне, вероятно, будет интересно когда-нибудь перечитать эти записи.

Может быть, и мои дети или внуки когда-нибудь возьмут в руки эту тетрадь и им будет интересно знать, как жил и страдал их отец или дед.

Итак – решено! Я буду писать дневник. Я буду записывать не только мои мысли и личные переживания, но буду отмечать также и некоторые политические события. Я предвижу заранее, что мой дневник будет довольно бессвязным, но это почти неизбежно, так как систематизированное изложение получается только в том случае, если приходится описывать давно минувшее. Лишь тогда можно дать каждому событию присущий ему удельный вес и отдавать больше внимания «важному», «главному», нежели «мелкому» и «второстепенному». Но при ежедневных записях трудно оценить значение переживаемого: то, что волнует в данное время, кажется наиболее важным и интересным. Впрочем, иногда именно в мелочах наиболее ярко выявляется сущность человека.

28 декабря

Жена мне сообщила, что уволен из научно-исследовательского института, в котором он работал, профессор Коцевалов. По словам его сестры, он уволен за то, что печатал слишком много научных работ за границей. Лишь в течение последнего года он издал в иностранных журналах десяток научных статей.

Странный человек этот Коцевалов! Он эпилептик и на вид почти идиот: ходит всегда под руку со своей старушкой матерью, так как эта последняя боится оставить его одного. И вместе с этим он является крупнейшим ученым. Он знает в совершенстве латинский и греческий языки; он владеет ими настолько хорошо, что некоторые свои статьи он написал на древнегреческом наречии. Его специальность – эпиграфика, т. е. расшифровка древних надписей. С социалистическим строительством и промышленностью эта наука связана очень слабо. Очевидно, поэтому трудами Коцевалова в СССР почти никто не интересуется. Что же ему оставалось делать, как не посылать свои работы в иностранные научные журналы? И за это этого безобиднейшего и преданнейшего науке ученого идиота сократили из Института истории культуры! Бедная советская наука! В 1924–1928 гг. она начала было расцветать. Затем она все более и более хирела, и наконец недавно вождь народов Сталин прикончил ее одной фразой: «Что это за наука, если она не связана с практикой!» Этими словами он похоронил науку в СССР, ибо наука должна быть прежде всего наукой, т. е. точной констатацией явлений во всех отраслях знаний, независимо от того, нужны ли эти данные для социалистического строительства или не нужны.

Практическое применение знаний не является целью науки; оно оказывается лишь одним из возможных следствий научных исследований. Производя свои научные изыскания, ученый часто не может предвидеть, какие практические применения найдут установленные им данные. Когда Мечников изучал явления метаморфоза у насекомых, он, вероятно, не думал о том, что из этих чисто теоретических исследований возникнет стройное учение о фагоцитозе, имеющее большое практическое значение для медицины. Требовать от ученого, чтобы он ставил себе только практические задания, – это значит не понимать, что такое наука.

Коцевалова было легко сократить за ненадобностью! И действительно, без его науки могут легко обойтись наши современные варвары. Это не мешает им, конечно, из чисто политических соображений торжественно встречать чехословацкого профессора Грозного, печатать в газетах статьи о значении его работ по изучению хеттского наречия! Какая это ложь! Все это делается исключительно для того, чтобы доказать миру, что и мы являемся культурными людьми, что и мы интересуемся историей древних народов. А на самом деле наши советские ученые (крупнейшие специалисты по изучению античного мира) либо сосланы в Сибирь, либо сокращены за ненадобностью. Особенно возмутительно то, что предлогом для увольнения является печатание слишком большого числа научных работ за границей! Какая дикость! Каждая страна гордится тем, что ее ученый известен всему миру. У нас, наоборот, считается позор-

ным издавать свои научные статьи за границей. Летом этого года произошло гнусное издевательство над академиком Лузиным, которого попрекали, в частности, в том, что он слишком много научных работ печатал за границей, причем он якобы посылал в иностранные журналы свои лучшие работы.

Между тем печатать что-либо в СССР является весьма трудным. Научных журналов – мало. Некоторые из них выходят нерегулярно (например, «Антропологический журнал»). Бумага – отвратительная: печатать на ней рисунки и рентгенограммы почти невозможно. Оформление журналов – безобразное. А самое главное – это то, что можно получить право печатать работу только после бесчисленных издевательств рецензентов, которые страшно перепуганы и требуют обычно от авторов самые нелепые переделки и сокращения. Дабы кто-нибудь не подумал, что в работе есть что-то неблагонадежное, какие-нибудь намеки на антисоветское вольнодумие. Вполне понятно, что при таких условиях советские ученые до последнего времени стремились посылать свои научные работы за границу. Ведь Коцевалову оставалось либо отказаться от своей научной деятельности и ничего не печатать, либо издавать свои труды за границей, ибо в СССР нет журналов по его специальности. Неужели он заслужил за это столь большую кару, как быть выгнанным из научного учреждения и остаться без службы? Дикость и глупость!

30 декабря

Выписка из газеты «Известия» от 28 декабря: «Как мы уже сообщали (“Известия” от 26 декабря), на сессии Академии сельско-хоз. наук резкой критике были подвергнуты ошибки акад. А. С. Серебровского. Вчера акад. Серебровский выступил с заявлением, в котором признал свои ошибки и квалифицировал свои взгляды, высказанные в статье в 1929 году, как контрреволюционные и ненаучные, “которые могут быть использованы фашизмом в своих целях”. Акад. Серебровский заявил, что статья эта “правильно квалифицированная недавно в «Известиях» как “контрреволюционный бред”, представляет собою целую цепь грубейших политических и антинаучных антимарксистских ошибок».

В «Правде» за 29 декабря напечатана речь акад. Мейстера, который, очевидно, является одним из «наших людей», т. е. человеком, готовым к любому словоизвержению по указке представленного к нему чекиста. Критикуя Серебровского, он заявляет, что «советская женщина» никогда не простит ему тех взглядов, которые он высказал в свое время, что память об ошибках Серебровского переживет его самого. Иначе говоря, он проклял Серебровского до седьмого поколения.

В чем же заключаются преступления этого окаянного грешника? В 1929 г., когда еще существовал «Евгенический журнал», он написал статью о том, что для повышения производительности труда нужно подумать о создании физически крепкого и умственно хорошо развитого поколения. Для этого он предлагал сделать опыт искусственного обсеменения известного количества женщин по их собственному желанию, взявши сперму у какого-нибудь видного большевика. В качестве такого он в частных разговорах намечал Бухарина. В этой статье у него были такие выражения, как «пятилетка – это генофонд».

Надо признать, что эта статья не блистала особым умом. Совершенно ясно, что евгенические задания по улучшению расы неосуществимы у человека. Конечно, нашлось бы много женщин, которые пожелали бы быть обсемененными и затем получать от государства пособие на воспитание ребенка. Но от этого вряд ли бы особенно улучшилось наше поколение людей, ибо наследственный фонд каждого человека настолько мало известен, что невозможно предвидеть, дало ли бы подобное обсеменение положительные или отрицательные результаты. В частности, умственные особенности являются, по-видимому, рецессивными признаками, и среди десятка тысяч маленьких бухаринцев, вероятно, оказалось бы очень мало психически похожих на своего отца.

Абсурдно также говорить, что успех пятилетки зависит от генофонда. Какой тут генофонд, когда можно силой или голодом заставить наших баранов совершить любую работу по планам советских или иностранных специалистов! Человеческого мяса у нас много, и из этого мяса можно выжать нечеловеческие затраты энергии.

Итак, статья Серебровского не являлась удачной. И тем не менее трудно не возмущаться той травлей, которой подвергался этот человек в течение семи лет. Он каялся десятки раз, и тем не менее травля продолжалась. Теперь оказывается, что его «преступление» не забудется и после его смерти. Видите ли, он оскорбил «советскую женщину» тем, что предположил, что ее можно искусственно обсеменить, и она этого ему никогда не простит. Как будто советские женщины, за редким исключением, знают о существовании Серебровского и как будто им не глубоко начихать на его взгляды! Впрочем, если бы дать публикацию в газете о том, что нужны женщины для искусственного оплодотворения семенем Сталина или Ворошилова, разве не нашлось бы тысячи психопатов и аферисток, которые согласились бы подвергнуться этим «экспериментам»? Конечно, да.

И вот наряду с подобной травлей ученого, с требованием, чтобы он публично раскаялся и постучал бы лбом об землю, пишется в газетах о том, что нигде на земном шаре ученые не имеют такой свободы творчества, как у нас. А в конституции написано: свобода слова, свобода печати. Какое это издевательство! Какой это цинизм!

31 декабря (утром)

Вчера вечером вернулся из командировки некий гражданин Вайнштейн, аптекарь, занимающий комнату, смежную с моей. Я имею привычку не разговаривать с другими квартирантами. Исключением является д-р Синельников. Поэтому лично с Вайнштейном я не беседовал, но, как экспансивный еврей, он так громко кричал в коридоре у самой моей двери, что мне поневоле пришлось слышать все, о чем он говорил.

Этот аптекарь является чем-то вроде коммивояжера, который разъезжает по всему Союзу и распространяет какие-то фармацевтические продукты. На этот раз он побывал в ряде мелких городишек Курской и Воронежской областей. В этих частях СССР был сильный неурожай, а сейчас – голод. Люди по трое суток стоят в очереди за хлебом, причем качество этого продукта таково, что он лишь в малой степени соответствует своему названию. Вот – действительность. В наших газетах об этом, конечно, ни слова. Вместо этого – бесконечное словоблудие о том, что «жить стало легче, жить стало веселей», «что нигде так радостно и привольно не живет, как в СССР», что в других странах голод, а у нас благодать. Когда Гитлер на Нюрнбергском съезде фашистов заявил, что у нас – голод, как наши газеты издевались над этим, сколько карикатур было нарисовано о голоде в Германии! И наряду с этим цинически скрывается, что в самом центре страны целые области лишены хлеба. А ведь это только начало зимы... Ведь будущий урожай – лишь через восемь месяцев!

Голод! Опять голод! Был голод в 1921–1922 гг. Был ужасный голод в 1931–33 гг. И вот опять в 1936–37 гг. страна голодает. Почему? В 1921–22 гг. отвечали: голод объясняется разрухой после гражданской войны. В 1932–33 гг. голод тщательно скрывался и отрицался, но неофициально его объясняли тем, что все средства были брошены на индустриализацию и для оплаты долгов наш хлеб вывозился за бесценок за границу. Но теперь! Теперь, когда страна окрепла, индустриализировалась, когда имеются сотни тысяч тракторов, тысячи комбайнеров. Теперь, когда нет необходимости посылать в таком количестве хлеб за границу! Надо признать, что лишь исключительно неумелое руководство сельским хозяйством может привести к подобным результатам на 20-м году после октябрьской революции! Дело, конечно, не во вредительстве, а в полном неумении руководить страной. Конечно, если голод станет явным, будет «раскрыта» контрреволюционная организация, которую обвинят во всех бедствиях. Расстреляют вновь сорок или пятьдесят совершенно невинных людей, которых предварительно заста-

вят признаться в невероятных преступлениях. Найдутся даже дураки, которые поверят в то, что они голодают, потому что какие-то злодеи задумали напакостить советской власти!

Итак, в стране опять голод. А у нас в Харькове – благодать: в магазинах – много продуктов. В булочных – много прекрасного хлеба. Это делается для того, чтобы была видимость счастливой, привольной жизни. Ведь иностранцы, посещающие СССР, вряд ли будут разезжать по городам и селам Курской и Воронежской губернии. Но многие из них побывают в Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных городах. И вот в этих-то местах создается видимость благодати. Но надолго ли это будет возможно? Ведь 3–4 года тому назад люди голодали и в больших городах. То, что голод в стране, – это ужасно. Но не менее ужасно то, что это скрывается и что об этом нельзя ни писать, ни говорить. Страна задавлена и мрачно молчит...

31 декабря (вечером)

Часа через три наступит новый год. Готов ужин, но настроение духа не праздничное. Я только что прочел последние номера газет и не могу думать ни о чем другом, как о политике. В «Правде» (от 30 декабря) напечатан отчет заседания Академии наук СССР, на котором были исключены академики Чичибабин и Ипатьев. В чем «преступления» этих лиц, «недостойных быть советскими гражданами»? В том, что они уехали за границу, поступили на службу к каким-то промышленным фирмам и отказались вернуться в СССР. Ипатьев указал, что он не может расторгнуть договор с фирмой. Чичибабин заявил, что ему создали за границей прекрасные условия для работы, каких он не имел в СССР, и что поэтому в интересах науки он пока остается за границей. И вот за это оба исключены из Академии и, по-видимому, будут лишены советского гражданства. Выходит, что все граждане в СССР, и старые, и молодые, являются на положении мобилизованных. Они не имеют права жить за границей без разрешения советской власти, обязаны по первому же зову вернуться обратно на родину. До этого не додумалось пока ни одно буржуазное правительство. Это не пришло в голову и царским министрам времен Николая II.

В самые мрачные времена реакции ученые имели право жить и работать в других странах. Перечитывая недавно третий том «Курса русской истории» Ключевского, я отметил там следующее интересное историческое событие. В конце Смутного времени, а именно 4 февраля 1610 г., был заключен договор между послом Московского государства и польским королем Сигизмундом. Русские, обессиленные длительными междоусобными распрями, принуждены были согласиться на самые унижительные условия. Они готовы были признать сына Сигизмунда, Владислава, русским царем. Тем не менее представители Москвы пытались отстоять некоторые права – неприкосновенность православной веры, личную свободу каждого гражданина, запрещение наказаний без суда и т. д.... И вот в перечне личных прав каждого гражданина числится следующий пункт: «Каждому из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет». Иначе говоря, более трехсот лет тому назад русские граждане имели полную свободу уезжать за границу для науки, т. е., очевидно, для того, чтобы там учиться. А теперь, когда наступил «социализм», лишают двух русских граждан звания академиков за то, что они остались жить за границей дольше положенного им срока. Попробовал бы ныне советский гражданин поехать в иноземные края для «науки». Если он только не связан с ГПУ и не выполняет какого-нибудь секретного задания, нечего ему шататься за границу, ибо «у нас наука находится на недостижимой высоте и намного перегнала буржуазную науку».

Любопытно в этом отношении дело с научной командировкой проф. Ситенко. Он считается «вполне советским ученым», т. е. таким ученым, который по первому приказу готов заявить, что советская конституция наиболее демократическая из всех существующих, а Сталин – наиболее гениальный из всех людей. И вот профессору Ситенко во время празднования юбилея Наркомздрав даровал трехмесячную командировку за границу. Ситенко поверил

этому и всем рассказывал, что в августе 1936 г. он поедет в Америку. Однако в дальнейшем выяснилось, что обещанная командировка осталась висеть в воздухе. Прошел 1936 год, и «заслуженный деятель наук» проф. Ситен-ко не выехал за пределы СССР. Что же говорить о простом смертном? Не менее любопытен и следующий факт. В модной у нас пьесе «Платон Кречет» талантливый хирург, спасший смелой операцией жизнь наркому, получает в награду заграничную командировку. Любому иностранцу подобная «высшая» награда показалась бы по меньшей мере странной. Ведь в других странах люди привыкли свободно разъезжать вдоль и поперек Европы и всех пяти частей света: лишь бы были деньги, поезжай куда хочешь. А у нас удастся вырваться из-за колючей проволоки, которой обтянуты границы СССР, только тем удачникам, которым посчастливилось спасти какого-нибудь наркома! Эту пьесу смотрели десятки тысяч зрителей, все настолько привыкли к создавшемуся гнусному, позорному положению, что никому не приходит в голову, что заграничная командировка – это не награда, а неотъемлемое право каждого гражданина, а тем более научного работника, что это право, которое добыл русский народ уже более трехсот лет тому назад!.. Ну вот и довольно: написал это, и на душе стало немного легче. Близится полночь. Пора идти встречать Новый год.

1 января 1937 (утром)

Лежу больной. Очередная ангина. Прочел последний номер журнала «За рубежом», в котором приведены выдержки из французских газет относительно политического режима в Германии. Ужаснулся. Если много несправедливого у нас в СССР, то что же сказать о том гнете, о том мракобесии, которые задавили Германию. И те, и другие – мерзавцы и душителю свободы. Но все-таки кто же лучше? Несомненно, бесконечно лучше в СССР. Почему? Потому что здесь хоть многие идеалы хорошие. Правда, на практике выходит совершенно иначе. Но утешаешься тем, что практика извращается глупыми или гнусными людьми. А многие из принципов коммунистического государства, изложенные на бумаге, являются прекрасными.

Этого нельзя сказать про фашизм. Там гнусная практика соответствует омерзительным идеалам. Я с детства являюсь интернационалистом. Мне чужды и глубоко омерзительны лозунги вроде «Deutschland über alles». Меня тошнит от расовой вражды. Я не могу сочувствовать антисемитическим законам. Отец меня воспитал в ненависти к насилию. Самым ужасным на свете кажется мне война, для какой бы цели она ни производилась. А между тем именно война является одним из основных идеалов фашистов. Слова «родина», «национальная честь» являются для меня кровавыми лозунгами, которые прикрывают самые безмерные издевательства над свободой личности.

Между тем культ именно этих идеалов считается священным у фашистов. Как пишет газета «Тан»: «Для уничтожения свободы слова новый кодекс изобрел прекрасную формулу: “защита чести”. Всякая критика фюрера – покушение на его честь и подлежит наказанию, вплоть до пожизненного заключения. Не меньше охраняется честь мертвых: “Каждого дурно отзывающегося о Гинденбурге, Хорсте Весселе или Фридрихе II могут посадить в тюрьму”». Какая все это мерзость! Правда, у нас в этом отношении не лучше. Если в этой цитате заменить Гитлера Сталиным, а Гинденбурга и Хорста Весселя Марксом и Энгельсом, то все, что сказано о Германии, окажется подходящим и для СССР. Но все же у немцев как-то резче проявляется тупой беспрекословный культ этих отвратительных идеалов.

Итак, мерзость и там, и тут. Здесь относительно лучше, но разница лишь в степени сдавления горла петлей. Что же делать честным людям? Молчать – ввиду того, что говорить правду равносильно самоубийству. Стараться держаться как можно подальше от всей этой гнуси. Честно работать, так как работа необходима человечеству при любом режиме. Стремиться к тому, чтобы поступки как можно меньше расходились с требованиями совести...

1 января (вечером)

Жена с детьми пошла на елку. Я остался один. Пульс очень скверный. Руки холодные. Голова болит. Тошнит. По-видимому, я отравлен стрептококковыми токсинами. И вот через четверть часа после ухода жены началась следующая дикая сцена. Домашняя работница соседей выпила по случаю праздника два стакана водки. Получилось острое отравление алкоголем. Она потеряла сознание, дико кричит и катается по полу. Ее положили в коридоре около моей двери, на расстоянии 4–5 шагов от той кровати, на которой я лежу. Соседям, видите ли, неудобно поместить ее в своей комнате, так как они живут в тесноте. Скорую помощь они не вызывают, потому что жалко заплатить 25 рублей. И все это происходит в квартире дома научных работников.

Я думаю, что нигде в мире профессор не принужден жить в подобных условиях. Я занимаю две комнаты в перенаселенной квартире. В этих двух комнатах живут шесть человек (из них двое детей). Я ни минуты не могу остаться один. Заниматься, работать при таких условиях невозможно. Я много раз хлопотал перед секцией научных работников о том, чтобы мне предоставили квартиру хотя бы из трех комнат. Я всегда получал отказ. Я просил, чтобы мне дали лишнюю комнатку в той квартире, в которой я живу. Каждый раз – отказ. В течение последних лет много раз здесь освобождались комнаты, но в них вселяли кого угодно (дворника, студентку, занимающуюся проституцией, учительницу, не имеющую никакого отношения к научной работе), но третьей комнаты мне не предоставляли. И это называется «бережным отношением к человеку»! Наряду с этим квартиры сотнями раздаются людям, которые в большинстве представляют лишь очень низкую социальную ценность!

Делается положительно все, что можно, чтобы уничтожить остатки русской интеллигенции. Сколько интеллигентов сосланы в Сибирь, в «восточные области» Европейской части СССР, на Соловки, на стройку канала Волга – Москва!.. А оставшиеся, за исключением нескольких тысяч привилегированных, поставлены в жуткие бытовые условия. А новой советской интеллигенции нет. Ведь нельзя же назвать интеллигентами полуграмотных людей, даже если они закончили высшее учебное заведение. Недели две тому назад была произведена проверка грамотности студентов Харьковского университета: им предложили написать диктант на русском языке. Оказалось, что 94 % студентов получили оценку «плохо» и «очень плохо» и лишь 0,8 % – оценку «отлично».

Итак, меньше одного процента студентов могут писать без ошибок. И это на 20-й год после Октябрьской революции. Такие интеллигенты могут скорее быть бременем, нежели пользой для государства. Одно дело, конечно, понастроить по планам старых русских инженеров и иностранных специалистов много фабрик и электростанций, а другое дело – создать свою, новую, социалистическую культуру. Ведь революция, всколыхнувшая глубокие массы народа, не выдвинула ни одного талантливого поэта, композитора, драматурга. Много и тех, и других, и третьих, но какова их ценность! Поэтому следовало как зеницу ока хранить остатки старой интеллигенции, ибо она возникла путем отбора наиболее одаренных представителей русского народа. Вместо этого интеллигенция затравлена, унижена, придавлена и в значительной мере уничтожена. Правильно сказал Сталин: «Кадры решают все». А с такими кадрами, какие имеются сейчас, больших культурных ценностей не создать.

2 января (утром)

Вчера производилась в Харькове предварительная перепись населения. Жителям нашей квартиры было заявлено, что до двух часов дня они должны сидеть дома и ждать переписчика. Между тем этот последний явился к трем часам. При заполнении анкеты некоторые недоразумения вызвал пункт «Верующий или неверующий?» Несмотря на то что в газетах неоднократно писалось о том, что гражданам гарантирована тайна их ответов, многие боятся сказать, что они веруют. Одна домашняя работница в нашей квартире сбежала, чтобы не заполнять эту анкету: она – верующая, но боится об этом заявить и вместе с тем не хочет лгать и говорить,

что она не верит. Когда переписчик обратился с этим же вопросом к немке, служащей гувернанткой моей дочери, она оказалась в большом затруднении и не знала, что ответить. «Как вам сказать? – заявила она. – Временами я верую, а временами нет. Как когда! Раз в год я в церкви бываю!» Несмотря на это, ее записали неверующей.

Какое значение могут иметь подобные статистические данные, если люди боятся говорить правду? Все напуганы. Никто не верит обещаниям правительства. Вот и окажется, вероятно, что лишь ничтожная часть граждан СССР имеет веру в различные религии, а между тем это, несомненно, не так. Со слов одного летчика мне известно, что когда красноармейцы совершают прыжок с парашютом, они почти все, перед тем как прыгать, осеняют себя крестным знамением. Что это? Вера или просто привычка?

2 января (вечером)

Я заканчиваю чтение книги Макса Гельца «От белого креста к красному знамени». Русский перевод ее был издан в 1930 г. Макс Гельц – видный немецкий коммунист; в период 1918–1920 гг. он руководил несколько раз рабочими восстаниями, произвел много экспроприаций и, будучи арестованным, совершил несколько удачных побегов. Читая его книгу, я был глубоко удивлен тем, что гражданская война в Германии имела гораздо более гуманные формы, чем у нас, и тем, что немецкое правосудие, которое Гельц стремится размалевать самыми темными красками, является, по его же данным, бесконечно более справедливым и менее жестоким, чем советские политические органы, т. е. чем ГПУ.

Я невольно сравнил те условия, в которых я находился в течение моего заключения в специальном корпусе ГПУ УССР в 1933 г., с теми, в которых был Гельц в Моабитской тюрьме в Берлине. Гельц жалуется на то, что его выводили гулять в тюремный двор лишь на 20 минут. Что касается меня, то я не гулял ни разу в течение двух с половиной месяцев, и другие заключенные также не выводились на прогулки. Гельц жалуется на то, что его спрашивали «целыми днями». Между тем в ГПУ заключенных допрашивают преимущественно по ночам, а днем им строго запрещается спать. При этом человек скоро доводится до невменяемого состояния.

Гельц возмущается тем, что его камера ночью была все время освещена. «Ночи, – пишет он, – превратились из-за этого в сплошное мучение. Немногие люди могут спать при свете; я принадлежу к числу тех, кто не может уснуть в освещенной комнате, как бы он ни устал». Что бы он сказал, если бы был подвергнут заключению в спецкорпусе ГПУ! Там имеются камеры, в которые дневной свет не проникает никогда и которые все время, и днем, и ночью, освещены яркими электрическими лампочками. Во всех прочих камерах лампочки в 200 свечей горят целую ночь, и яркий свет ослепляет глаза заключенного. Гельц добился того, чтобы электрическая лампочка была обернута бумагой. Этого, конечно, никогда не разрешили бы в ГПУ. Защищая глаза от слишком яркого света, я пробовал прикрывать лицо кепкой, но вахтеры меня будили, грубо ругали и требовали, чтобы я снял шапку: им нужно было видеть мое лицо даже во время сна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.